

*Ольга Викторовна ТРОФИМОВА —
доцент кафедры русского языка
филологического факультета,
кандидат филологических наук*

УДК 811.161.1.36 + 651.4

ТЮМЕНСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ

АННОТАЦИЯ. На материале впервые вводимых в научный оборот челобитных из фондов Государственного архива Тюменской области рассматривается структура формуляра, сопоставляемая с государственным образцом, и его вариативные синтаксические конструкции, зафиксировавшие функционирование русского языка в текстах делового стиля.

On the basis of petitions from the State Archive Funds of Tyumen region the author considers the structure of the archive card, comparing it with the state model as well as its variative syntactic structures that are fixed in business Russian texts.

Изучая в фондах Государственного архива Тюменской области документы, относящиеся к периоду правления императрицы Екатерины II, мы обнаружили в трех фондах (И-47 Тюменская воеводская канцелярия, И-3 Тюменский городничий, И-10 Тюменский земский суд) как подшивки челобитных, так и отдельные включения документов этого жанра в архивных делах. Хронологические рамки функционирования привлеченных к анализу тюменских челобитных — 1762–1796 гг., что полностью совпадает со временем правления Екатерины II. Однако необходимо отметить, что чем ближе к концу века, тем меньше мы находим документов, имеющих в самоназвании это определение. Больше всего челобитных сосредоточено в делах Тюменской воеводской канцелярии, существовавшей до 1780 г.; последняя найденная нами челобитная на имя Екатерины II представлена черновым вариантом, помеченным 15 ноября 1796 г., и содержит просьбу Данилы Кожевникова, сына регистратора Тюменских городнических дел Якова Кожевникова, определить его в воинскую службу.

Для непосредственного анализа было отобрано 24 источника (1762–1796 гг.). Тематика челобитных определяется сообщениями о драках, кражах, спорных сенных покосах и спорном наследстве, просьбами о выдаче пашпорта, подорожной, владеной выписи на выкупленного калмыка, о разрешении жениться, креститься в христианский закон из магометанского, о положении в оброк новой кузницы и т. д. — таким образом, челобитные отражают обыденные как повседневные, так и судьбоносные (женитьба, перемена веры) заботы тюменских жителей последней трети XVIII в.

Адресатом всех анализируемых тюменских челобитных была императрица Екатерина Алексеевна. Один из первых подписанных ею законов, от 2 июля 1762 г. [1], назывался «Форма о титулах императрицы Екатерины II» и содержал образцы разных документов на ее имя. Так, пункт 7 был посвящен формуляру челобитных и предполагал следующее: «7. Въ челобитныхъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Семилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ имярекъ на имярека; а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты, (и писать пунктъ за пунктомъ) а по окончаніи пунктовъ въ начинаніи прошенія

писать тако: И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, (и писать прошеніе) а въ окончаніи: Всемилостивѣйшая Государыня! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитъѣ рѣшеніе учинить».

Как видим, закон предписывает сохранение сложившегося к этому времени трехчастного построения челобитной, состоящей из начального протокола с указанием адресата, челобитья и адресанта, основной части, заключающей в себе казусную часть (пункты) и прагматическую (изложение просьбы), и конечного протокола. Тюменские челобитные анализируемого периода, адресованные только и исключительно Екатерине II, демонстрируют следование предложенному государственному образцу: в них строго выдерживается структурный трафарет, однако широко представлено лексическое и синтаксическое варьирование. Варьирование отмечаем уже на уровне определения жанра документа.

При анализе источников, составленных в соответствии с «Формой о титулах императрицы Екатерины II», были обнаружены 4 позиции, которые могут определять жанровую разновидность одного и того же документа: во-первых, две формулы в предшествующей непосредственно пунктам части (в начальном протоколе) — «бьет челом ... на», «а в чем мое прошение (челобитъе)», во-вторых, две формулы в пометах удостоверительной части (в конечном протоколе): в одной приводится информация о писавшем документ, в другой (все челобитные являются заручными) — о подписи самого челобитчика или его доверенного.

В тюменских источниках, составленных по образцу «Формы...», зафиксировано 5 возможных самоназваний: челобитна, напр., челобитна дьякона Покровской слободы Ивана Ситникова об украденных у него пожитках от 9 декабря 1780 г. [И-47, оп. 1, д. 4356, л. 29, 29 об.]; челобитная, напр., челобитная тюменского ямского управителя поручика Николая Калинина о выдаче ему вечной владеной выписи на вымененного на товар по цене на 120 рублей калмыка Боса, по крещении нареченного Василием, от 12 марта того же 1780 г. [И-47, оп.1, д. 2218, л. 7, 7 об.]; челобитъе, напр., челобитъе тюменского государственного крестьянина Евсея Колова о спорном наследстве, от 20 января 1783 г. [И-10, оп. 1, д.1018, л. 1-2]; прошение, напр., явочное прошение тюменского мещанина Алексея Тетерина о выполнении им обязанностей поверенного крестьян Скоробогатова и Токаревых в Тюменской нижней расправе, от 24 июля 1787 г. [И-3, оп.1, д. 191, л. 664-665]; доношение, напр., доношение отставного сержанта Семена Ковалева о возвращении ему пашпорта тюменским ямщиком Андреем Кармачевым, от 28 апреля 1787 г. [И-3, оп. 1, д. 191, л. 294, 294 об.]. Заметим, что эти же источники имеют и другие названия, зафиксированные в затекстовых пометах к документу: доношение, прошение, челобитная. Анализ возможных наборов названий одного и того же источника привел к следующим результатам:

- бьет челом на... + доношение + челобитъе + прошение — 1 документ,
- бьет челом на... + прошение + челобитная — 1 документ,
- бьет челом на... + прошение — 1 документ,
- бьет челом на... + челобитъе + прошение + челобитная — 1 документ,
- бьет челом + прошение — 6 документов,
- бьет челом + прошение + челобитная — 2 документа,
- бьет челом + прошение + доношение — 1 документ,
- бьет челом + прошение + челобитна — 1 документ,
- бьет челом + челобитъе + челобитная + прошение — 3 документа,
- бьет челом + челобитъе + прошение — 1 документ,
- бьет челом + челобитъе + челобитная — 1 документ,
- бьет челом + челобитная — 1 документ,
- просит + прошение — 3 документа,
- просит + прошение + доношение — 1 документ.

Таким образом, в Тюмени и ее окрестностях в последней трети XVIII в. документы, адресованные императрице, традиционно именуемые челобитными, воспринимались грамотными людьми и служителями канцелярий, составлявшими от имени челобитчиков обращения к высшей власти, и как челобитные (челобитья), и как доношения, и как прошения.

В словаре видов и разновидностей документов под ред. А. С. Малитикова указывается, что челобитные («прошение, заявление, жалоба») относятся к русским документам XV–XVIII вв. [2]. По словам С. С. Волкова, изучавшего лексику и формуляр челобитных XVII в., «челобитная в XVII в. — многофункциональный документ... Челобитные занимают промежуточное положение между актами официально-делового (государственного, правительственного) и частно-делового характера... Челобитные относятся к официально-деловой письменности, так как они либо представляют собой документ судебной (юридической) практики... либо являются документами, на основе которых верховная власть принимает определенное решение и издает соответствующий официальный акт... или же официально регистрирует чье-либо заявление о чрезвычайном событии... тем самым снимая с заявителя вину за возможные последствия происшедшего или предупреждая возможность преступления... Вместе с тем челобитные являются и частно-деловыми актами, так как они в подавляющем своем большинстве связаны с интересами определенного лица, касаются взаимоотношений между отдельными членами общества...» [3].

В учебном пособии «Источниковедение» при классификации исторических источников XI–XVII вв. среди частно-публичных документов просительного и просительно-апелляционного вида челобитные упоминаются в первую очередь, а затем называются прошения, заявления, жалобы. Анализируя рукописные источники XVIII в., авторы этого учебного пособия говорят о челобитных, характеризуя разновидности делопроизводственных материалов: «Частные лица обращались в государственные учреждения с прошениями, которые в XVIII в. обычно по-прежнему назывались челобитными» [4].

Обращение к русским толковым словарям XVIII–нач. XIX вв. показывает, что в XVIII в., как можно судить на основании данных «Словаря Академии Российской» 1789 г. и «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» 1806–1822 гг., слова челобитна (челобитная) и челобитье различались значением и сферой употребления: «Челобитна и Челобитная. Речение приказное. Жалобница, письменное прошение. Челобитье. Простонар. Свидетельствование поклона, почтения» [5].

Тюменские материалы, в результате сплошной выборки извлеченные из 347 документов 82 жанров анализируемого периода, фиксируют употребление слова челобитье только в значении «разновидность письменного документа», напр., при пересказе событий: «... да кроме того он *ответчикъ* взял муки а какой именно он подлинно челобитчикъ в том челобитье своем не изяснил толко написал по цене на рубль на семнатцат копеекъ...» [выписка из следственного дела, 1764 г., И-47, оп. 1, д. 2541, л.4] или в цитате из 10 главы Соборного Уложения в том же источнике: «... они учнуть бити челом в челобитье своемъ и в приставныхъ памятяхъ» [л. 9 об.]; «... слушав производимого въ оной канцелярии дела по челобитю тюменского разночинца Федора Девятова которой просил чтоб повелено было...» [копия с определения Тюменской воеводской канцелярии, 20 декабря 1766 г., И-47, оп.1, д.2259, л.47]; «... бьет челом присылной Алеѳеи Јвановъ сын Мандаровской а о чемъ мое челобите тому следуют пункты...» [челобитная, 4 июля 1763 г., И-47, оп.1, д.1761, л.67].

Судя по словарю В. И. Даля, в XIX в. слова челобитна, челобитня, челобитная, челобитье входили в один ряд и имели значение «поклон; просьба, жалоба», иллюстрируемое в словаре примерами *Подать челобитную на сосѣда. Пришель к тебе с челобитьемъ великимъ. Не красна челобитная складом, красна указом* [6]. После-

дня и иллюстрация ярко демонстрирует суть и место челобитной в системе русского делопроизводства. В современном русском языке обе лексемы, каждая из которых является доминантой в своей словарной статье, относятся к лексике пассивного запаса: «Челобитная. *Ист.* Грамота с прошением или жалобой, подававшаяся на имя царя или местным властям в Русском государстве 15–начала 18 вв.; *Челобитье.* 1. *Устар.* Поклон до земли с прикосновением лбом к земле. 2. *Ист.* Подача письменной просьбы, жалобы. || Письменная просьба или жалоба; челобитная» [7]. Обратим внимание на то, что в толковом словаре период функционирования этой разновидности рукописных документов ограничивается началом XVIII в., тогда как в специальных изданиях временные границы раздвигаются на весь век. Повторим, что в тюменских архивных фондах количество челобитных после 1780 г. идет на убыль и их функцию все активнее выполняют объявления частных лиц, зафиксированные нами начиная с 1763 г.

Обратимся к анализу формуляра тюменских челобитных последней трети XVIII в.

Начальный протокол. В формуле *адресата* в полном соответствии с «Формой...» представлена номинация императрицы Екатерины II, в конкретных источниках имеющая графические варианты, связанные с употреблением букв ъ, ъ, ъ и прописных букв. Реальные получатели челобитных — присутственные места (тюменская воеводская канцелярия, тюменские городнические дела, тюменская нижняя расправа), информация о которых размещается уже в **конечном протоколе**, в «затекстовой» части челобитной, в первой из трех помет, следующих за текстовой реализацией официально установленного формуляра. Итак, первая помета — о том, куда реально «к поданию надлежит» документ, вторая — кто писал челобитную, третья, как правило, частями располагающаяся после каждого абзаца («пункта» или отдельной композиционной части) документа, — рукоприложение или самого челобитчика, или его доверенного лица.

Адресантами, челобитчиками всех анализируемых документов являются конкретные лица, люди, а не присутственные места. Даже если челобитчик — должностное лицо (напр., в индивидуальных челобитных — тюменский ямской управитель Николай Калинин, тюменский воеводский товарищ Степан Аксютин, в коллективных — тюменские дети боярские Колов, Рескины и другие), то формулируемые в челобитных просьбы касаются личных интересов челобитчика (в той же последовательности источников: о даче вечной владеной выписи на калмыка Боса; о поиске сбежавших из дома Аксютина находившихся у него в услужении пленных польских конфедератов Якова Новаковского и Венедикта Ганибака; о выдаче из казны «заслуженного» денежного и хлебного жалованья).

В формуле адресанта, как правило, в первую очередь указывается место жительства челобитчика. Для проживавших в городе Тюмени чаще всего использовалось оттопонимическое прилагательное *тюменский*, реже — сочетание *живущий (жительствовавший) в городе (Тюмени)*; зафиксирован единичный случай введения в формулу адресанта компонента с более общим административно-территориальным значением — *Тобольского наместничества города Тюмени*. Если челобитчик проживал в какой-либо деревне, селе или татарских юртах, то, кроме сведений об этом конкретном населенном пункте, указывалось на вхождение его в границы *Тюменского уезда* или *Тюменского ведомства*.

Второй обязательный компонент в формуле адресанта дает сведения о его социально-социальном положении, иногда «подключая» информацию о национальности (*разночинец, крестьянин, оброчный татарин, бухаретин, дети боярские, присильный, воеводский товарищ* и др.). Имя и фамилия челобитчика — постоянные компоненты формулы, в отличие от отчества, представленного аналитической формой (напр., *Сергеева сына, Ивановой дочери*), которое отсутствует в формуле нерусских челобитчиков (например, *татарина Рахмагула Абраимова, бухаретина Абу-*

кая Асклева), а также в коллективной челобитной тюменских детей боярских (всего 12 человек).

Основная часть. Пункты (казусная часть, чаще всего имеющая только один пункт) подавляющего большинства привлеченных к анализу челобитных начинаются с временного детерминанта — с указания как на точную дату описываемого в документе события (напр.: «*1е. Сего 763 году октября 19 дня ввечеру идучи я раба ваша оной деревни Червишевой от вдовы Парасковьи Кадошниковой в дом свой...*» или «*1е. Прошлого 1777го года ноября 2 го дня; дан от Петропавловских таможенных дел мне рабу вашему письменной вид на <...> калмыка по азиацкому названию Боса...*»), так и (значительно реже) на приблизительное время (напр.: «*Прошлого 762 году а которого мца и числа не упомяну...*» или «*В прошлом 1748 м году определен я раб ваш по городу Тюмени в казачью службу...*»). Во всех этих документах речь идет о событиях ближнего или отдаленного прошлого, влияющих на будущее «искомое» благополучие челобитчика. Несколько источников состоят в казусной части из двух пунктов, при этом второй пункт (напр., в челобитных и 1762 г., 1763 г., и 1787 г.) тоже начинается с временного детерминанта, но уже с местоименного — *ныне* (напр.: «*2е. А нне уведомился я раб ваш что имеетца порозже сеной покос*»; «*2. А нне я именованны желяю взяти в замужество...*»; «*2. А нне возымел желание чтоб положит меня в подать государственную по городу Тюмени в мещанской оклад*»). Как показал анализ, содержание вводимого сочинительным союзом *а* второго пункта есть информация не о событии как совокупности физических действий, которые четко могут быть детерминированы во времени и пространстве (таково содержание первых пунктов в этих челобитных), а о субъективно-модальных (*желяю*) и мыслительных (*уведомился*) операциях, которые сложно соотносить с точкой на временной оси.

Определенная часть тюменских челобитных начинается с некоторого комментария о сословном, национальном или служебном положении челобитчика — комментария, необходимого в качестве некоторого обоснования причины самого обращения к адресату.

Так, в челобитной от 19 марта 1763 г., написанной на гербовой бумаге, тюменских детей боярских Колова, Рескиных и других о выдаче хлебного и денежного жалованья информации о *ситуации* — невыдаче этого жалованья «*на генварскую треть*» — предшествуют сведения о беспорочности службы, оформленные структурой придаточного причины с союзом *понеже* [И-47, оп. 1, д. 1761, л. 24]:

«№ 375 Подано марта 19 де 1763 году

Записав справяс выписав доложит

Всепресвѣтлѣишая державнѣишая великая Госѣдарыня Императрица Екатерина Алеѣевна самодержица всероссиіская Госѣдарыня всемилостивѣишая

Бьютъ челомъ тюменские дети боярские Михаило Коловъ Иванъ Михаило да Андрей Рескины Петръ да Григорей Савины Семень да Федор Текутьевы Петръ Молчановъ Василей Дворниковъ Петръ Дворянской Иванъ Серебреников а о чемъ наше прошение тому следуют пункты

1е

Понеже служимъ мы раби ваши вашему императорскому величеству всякия городовая и отезжия службы беспорочно а сего 763 году на нынетекущую генварскую треть а Иванъ Рескинъ да Петръ Молчанов по день отставки их от службы по мартъ мць сего ж году какъ денежного тако ж и хлебного жалованья кроме Ивана Рескина на которой служить с пашни ис казны вашего императорскаго величества не получили в чемъ претерпеваемъ крайнюю нужду *К сему*

и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сие наше прошение в тюменской воевоцкой канцеляріи принять и на нынетекущую сего 763 году генварскую треть что принадлежит по окладомъ нашимъ денежное и

хлебное жалованье ис казны вашего императорскаго величества выдать *прошению* всемилостивѣишая Госѹдарыня прошѹ вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить 1763 года марта 18 дня

К поданию надлежитъ в тюменскую воевоцкую канцелярию прошение писал копестъ Семень Тверитиновъ» (далее — *собственноручные подписи детей боярских.* — О. Т.).

Обращаясь к синтаксической структуре казусной части, отметим, что на границе предикативной части, вводимой союзом *понеже*, и следующей находится союз *а*, после которого собственно и называется *ситуация*, вынудившая челобитчиков обратиться к адресату (реальных причинных отношений между содержанием связанных сочинительным союзом предикативных частей нет). Именно эта *ситуация* и является экстралингвистической причиной составления документа. Грамматически же оформленная причинным союзом предикативная часть содержит скорее обоснование права челобитчиков вообще обратиться к столь высокому адресату и вступает в отношения причинности с содержанием всей прагматической части документа.

Другие примеры. В челобитной от 20 декабря 1763 г., также записанной на гербовой бумаге, майора артиллерии Григория Степанова сына Булгакова о краже из его коляски ларчика с 200 рублями серебряной монетой и другими ценностями дате события предшествует информация о причине нахождения челобитчика в дороге, а в ночь кражи — в Куяровской слободе. Причина эта — следование к месту службы [И-47, оп. 1, д. 1763, л. 89]: «...1е. По отправленіи моемъ изъ Москвы в городъ Тоболскъ к артилерійской команде следуючи: имелъ наслегъ сего декабря 17 числа в Куяровской слободе которая приписана к заводамъ Никиты Никитина сына Демидова...».

В челобитной татарина Итбалы Уракова, дворового тюменского бухаретина Сеита Шабина, датированной 29 апреля 1769 г., о желании перейти в христианскую веру указание на ориентацию во времени предваряется сведениями о вероисповедании челобитчика, заявленными впервые уже в формуле адресанта. В тексте документа нет даты, хронология событий относительная, точка отсчета обозначена местоимением *ныне*, которое уточняется чередой действий (проповедь, увещание, обучение), важных для личной истории челобитчика [И-47, оп. 1, д. 1770, л. 75]: «... 1е. По природѣ моеи я именованный состою в вышепомянутомъ махOMETанскомъ законѣ ннѣ же по проповеди слова Бжия и увѣщанию и обучению тюменскаго Трцакаго мнтра архимандрита Софрония познавъ всесовершенно что...».

Как правило, в каждой челобитной речь идет о единичной конфликтной *ситуации*. В тюменских челобитных последней трети XVIII в. единственный иногда первый пункт, к которому сводится вся констатирующая часть, строится в повествовательном плане и содержит подробное перечисление действий всех участников ситуации. Приведем полностью одну из тюменских челобитных, в которой выделим союзные средства связи предикативных частей и подчеркнем в пунктах продвигающие повествование словоформы (отметим также, что в подписи адресанта и в помете о писавшем указан жанр документа *прошение*).

Это челобитная тюменского отставного драгуна Ивана Вязминова, написанная на гербовой бумаге [И-47, оп.1, д.1761, лл. 18–19]:

«№ 328. Подано марта 13 де 1763 году.

Записав доложит

Всепресвѣтлѣишая державнѣишая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссийская Государыня всемилостивѣишая

бьетъ челомъ тюменской отставной драгунъ Иванъ Александровъ снъ Вязминовъ на тюменского служилого татарина Елметя Семенова а о чем мое челобитье тому следуютъ пункты

1 e

в нынешнемъ 1763 м году в генваре мце отлучался я раб вашъ из города, Тюмени для моления Гсду Богу до города Тоболска и едуци обратно в Тюмень будучи противъ деревни Дубровной отвезалась от оглобли собственная моя лошад и побежала обратно по другой дороге и оставя я рабъ вашъ имеющияся свои сани и з собственнымъ моимъ экипажемъ на дороге поехавъ хватат ту отвезавшую от оглобли лошад и в то ж самое время вышеписанной служилой татаринъ Елметъ Семеновъ попалъ мне на дороге встречю и между поимкою мною лошади онъ Семеновъ выхватилъ ис тех моих саней мешекъ с собственнымъ моимъ экипажемъ *к сему*

в коемъ имелось чарковъ пятнатцать пар по цене на два рубли на сорокъ копеекъ башмаковъ женских дватцать пар на два рубли на шездесять копеекъ семь паръ рукавиць лосинных на рубль на семдесятъ на пять копеекъ да денегъ разною манетою десять рублевъ всего по цене и з денгами на шеснатцать рублевъ на семдесятъ на пять копеекъ **которого** я рабъ вашъ и поймавъ за архиэреискою Покровскою слободою с нанятыми мною для той поимки Покровской слободы жителями Екимомъ Пуляновымъ Палкратьемъ Свистуновымъ **которои** мне рабу вашему тогда вышеписанные чарки башмаки и рукавицы и отдалъ при оных обывателяхъ да Покъровской слободы при дяконе Григорье Тюшеве да при случившемся в той слободе тюменскомъ жителе Алеѣѣ Климове обратно да в уплату денегъ два рубли а за досталные за восемь рублевъ отдалъ онъ Семеновъ мне рабу вашему в заклад собственную свою лошад мерина сивого **на которого** грабителя имель я рабъ вашъ по команде в тюменскую воевоцкую канцелярию подать писменное объявление **точию** онои *прошению*

грабитель Семеновъ приехавъ в город Тюмень напередъ меня раба вашего и просил на меня раба вашего в тюменской воевоцкой канцелярии словесно **якоб** я раб вашъ оног татарина ограбилъ и та взятая мною в заклад лошад отдана ему татарину обратно **по которои** ево прозбѣ содержусь я раб вашъ в тюменской воевоцкой канцелярии под карауломъ назатъ тому недель с семь безвинно: *вместо*

и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сие мое прошение в тюменской воевоцкой канцелярии принять и в грабеже меня раба вашего вышеписаннымъ татаринном Семеновымъ в силу вашего императорскаго величества указовъ изследоват и обидимое мое возвратить а меня раба вашего от безвинного под караулом сидения свободить *Ивана*

всемилоствѣишая государыня прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи решение учинить 1763 году марта дня

К поданию надлежитъ в тюменскую воевоцкую канцелярию

Прошение писалъ копеистъ Семень Тверитиновъ

Вязминова ево прозбой копеист Федор Мосягин руку приложилъ.

Обратимся к номинациям адресанта в документе. В начальном протоколе: *тюменский (1) отставной (2) драгун (3) Иван (4) Александров сын (5) Вязминов (6)* — формула адресанта содержит 6 компонентов. В пунктах: *я раб ваш, я раб ваш, мне, я раб ваш, мною, мне рабу вашему, мне рабу вашему, я раб ваш, меня раба вашего, на меня раба вашего, я раб ваш, мною, я раб ваш.* В собственно прошении: *меня раба вашего, меня раба вашего.* Номинационную цепочку адресанта, в которой насчитывается 16 компонентов, составляют 3 разные номинации: 1) единичная в формуле адресата и повторяющиеся — 2) преобладающая в документе трехчленная номинация, состоящая из личного местоимения и этикетного приложения *я раб ваш* (употребляется как в именительном, так и в косвенных падежах), и 3) одночленная (только в косвенных падежах) *мне* или *мною*.

Номинации ответчика: в начальном протоколе номинация состоит из 5 компонентов — *тюменский (1) служилой (2) татарин (3) Елмет (4) Семенов (5)*; в основной части: *вышеписанной служилой татарин Елмет Семенов, он Семенов, которого, ко-*

торой, он Семенов, который грабитель, оной грабитель Семенов, оный татарин, ему татарину; в собственно прошении: *вышеписанный татарин Семенов.*

Номинационную цепочку ответчика, в которую входит 12 компонентов, составляют как однокоренные, субстантивные и местоименные, так и словосочетания — местоименно-субстантивные номинации. Максимальное число компонентов насчитывается в формуле ответчика вступительной части, и эта объективная информация об ответчике включает в себя характеристику по месту жительства, сословно-социальной иерархии, национальности, а также имя и фамилию, при этом все члены номинации, кроме оттопонимического прилагательного, хотя бы раз повторяются далее в документе. Кроме того, после сообщения о факте грабежа в документе появляется контекстуально обусловленная оценочная номинация *грабитель*. Отождествление грабителя и ответчика происходит в документе в двух словосочетаниях: сначала в контекстуально обусловленном двукомпонентном словосочетании *на которого грабителя*, затем в сочетании, включающем в себя три компонента — 1) местоимение *оный*, с помощью которого осуществляется связность текста и отсылка к предыдущим номинациям предмета речи, 2) существительное *грабитель*, употребление которого обусловлено ситуацией в предтексте, 3) фамилию ответчика *Семенов*, которая входит в официальную номинацию предмета речи уже в самом начале документа. Интересно отметить, что подавляющее большинство номинаций ответчика двукомпонентно и включает в себя местоименный член, семантика которого контекстуально обусловлена, и субстантивное приложение, в роли которого выступает один из компонентов из официальной формулы ответчика в начальной части челобитной.

Номинации прочих участников событий: *Покровской слободы жители Еким Пулянов Панкратий Свистунов — оные обыватели; Покровской слободы дьякон Григорей Тюшев; случившийся в той слободе тюменский житель Алексей Климов.*

При пересказе словесной просьбы татарина Семенова в тюменской воеводской канцелярии челобитчик использует оценочный глагол *ограбил*, который вводится в документ союзным показателем недоверности *якоб*: *якоб я раб ваш оного татарина ограбил*. Этот показатель недоверности в текстообразующем аспекте предсказывает появление еще одной оценочной лексемы — *безвинно*. Так характеризуется, с точки зрения челобитчика, вследствие ложности предъявленного ему обвинения, назначенное ему от тюменской воеводской канцелярии наказание — сидение под караулом, длящееся уже около семи недель.

Таким образом, в челобитной отставного драгуна Вязминова употреблено только два ряда однокоренных оценочных слов: 1) *грабитель — якоб ограбил — грабеж* (последний компонент — название действия ответчика в собственно прошении документа), 2) (*содержусь под караулом*) *безвинно — (от) безвинного (под караулом сидения свободить)*. При этом оценочные лексемы образуют антонимичную пару, семантически структурирующую текст анализируемого источника (с помощью которой противопоставляются истец, *безвинно* пострадавший как морально, так и материально, и ответчик, лишивший своими действиями — *грабежом* — истца и части имущества, и свободы). Последние компоненты — существительное *грабеж* и прилагательное *безвинного* — входят в текст заключительной части челобитной, собственно прошения, и таким образом представляют в этой текстовой части источника соответствующее содержание «пунктов», то есть основной, казусной части документа.

Челобитная драгуна Вязминова являет собой частный пример рационального воздействия на адресата, который провоцируется на принятие решения в пользу челобитчика. Как нам представляется на основании знакомства с тюменскими источниками, в них редко выражается желание адресанта воздействовать на чувства адресата, и это интересно в сравнении с наблюдениями С. С. Волкова о челобитных XVII в., в которых ставилась цель «воздействовать на чувства того лица, к которому обращались с просьбой, жалобой, исковым заявлением. Эмоциональная задача че-

лобитной — стремление вызвать жалость, сочувствие, пробудить желание оказать необходимую челобитчику помощь» [8]. В последней трети XVIII в. отношения между адресатом и адресантом, зафиксированные тюменскими челобитными, складывались скорее на рациональной основе; определяющую роль для принятия решения играла детальность изложения ситуации и проецирование ее на соответствующую правовую норму. Как униженное прошение оформлялась в это время часть документов другого, менее активно представленного в архивных фондах жанра — просьб. Таково, например, обращение присыльных к губернатору Д. И. Чичерину [И-47, оп. 1, д. 1914, л. 6], в котором настоятельно подчеркивается униженное положение просителей, а адресат, чье высокое положение также актуализируется, награждается разными добродетелями: «Высокопремилосерды гдрь j отецъ Денсь Jвановичь. Ваше высокопревосходительство слезно просим приказать насъ нижаиших положить с крестьянами в подушной оклад ибо мы jмеем дома жень и детеи и о том учинить милостивую резолюцию. Вашего высокопревосходительства щедраго отца раби присыльные Евсеи Jванов Кондратеи Лобановъ Jванъ Киприяновъ».

В грамматическом отношении пункты челобитной отставного драгуна Вязминова представляют собой в основном союзную последовательность предикативных частей. Ведущее средство связи — сочинительный союз *и* (6 случаев употребления). Предикативные части, формирующие структуры сложноподчиненных предложений, в основном связаны союзным словом *который*. Эта скрепа чаще замещает номинации ответчика Семенова, но в текстовой структуре не занимает контактной позиции с определяемым словом. О семантической тождественности обозначений *он Семенов* и *которого* в отношении одного и того же предмета речи свидетельствует грамматический анализ контекста: *он Семенов выхватил <...> мешок с <...> экипажем в коем имелось чарков <...> на семьдесят на пять копеек которого я раб ваш и поймав...* В грамматической структуре значимым оказывается противопоставление союзных слов *в коем* (замещающего неодушевленное существительное) и *которого*. Только широкий контекст, выводящий за рамки двух соседних предикативных частей, позволяет осознать как ложную тождественность семантики находящихся в контактной позиции номинаций *Панкратьем Свистуновым которой мне <...> чарки <...> и отдал <...> при оных обывателях...* Последний второстепенный член предложения несомненно разрушает возникшую было грамматическую тождественность, заставляет перечитать предложение и логически включить имя и фамилию *Панкратий Свистунов* в цепочку с компонентом *оние обыватели* на основании местоименной отсылки к предтексту *оние* и синонимических отношений между лексемами *жители* и *обыватели*.

Относительное местоимение *который* в грамматической структуре данного текста (и, как показал анализ, некоторых других источников) выполняет также функцию указательного местоимения, близкого по значению к местоимению *этого*, согласованного с определяемым существительным, с соединительно-выделительным союзом *и*. В анализируемом источнике это две конструкции: 1) *выхватил мешок <...> отдал лошадь мерина сивого на которого грабителя имел я...*; 2) *просил словесно <...> лошадь отдана <...> обратно по которой его просьбе содержусь я...* В этих примерах ложная лексико-грамматическая тождественность существительного в препозиции к местоимению *мерин* и *лошадь* и самого местоимения *на которого* и *по которой* провоцируется аналогией грамматических значений категорий числа, рода и падежа. Автоматизм такого восприятия нарушается существительным в постпозиции к местоимению, имеющим подобные значения грамматических категорий, — *грабителя, просьбе*. Окончательное разрушение сложившейся было синтаксической связи происходит при восприятии смысла всей предикативной части, и актуальным оказывается значение указания на связь с предыдущей текстовой информацией (то есть современное оформление словосочетаний как *и на этого грабителя, и по этой его просьбе*). Связь с предтекстом этих существительных осуществляется как на уров-

не лексической семантики (появление существительного *грабитель* подготовлено глагольным сочетанием *выхватил из моих саней мешок*, то есть украл у меня, ограбил меня); так и на уровне словообразовательных связей (существительное *просьба* мотивировано глагольным сочетанием *просил словесно*).

Единичны в грамматической структуре анализируемой челобитной другие типы отношений между предикативными частями: сопоставительные (союз *а*), уступительно-противительные (союз *точию*), изъяснительные с оттенком недоверности (союз *якоб*). Из синтаксических особенностей документа следует обратить внимание на отражение в нем бытования устной местной речи, что выражается, в частности, в функционировании деепричастий *едучи*, *будучи*, *поехав*, *поймав*, *приехав* в позиции глагольного сказуемого.

Основная часть. **Прагматическая,** заключительная текстовая часть челобитной (**собственно прошение**), как показывает обращение к утвержденной в качестве закона «Форме о титулах Императрицы Екатерины II», частично структурирована уже в государственном образце: «И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, (и писать прошение)...».

Содержание желаемого челобитчиком повеления оформляется в тюменских источниках в следующих конструкциях:

1) в большей части челобитных предложенная в образце формулировка продолжается сочетанием объектных инфинитивов, первый из которых (*принять*) вновь вводит в текст документа его жанровое обозначение (... *повелено было сие мое прошение принять*...), иногда с названием адресата — присутственного места (... *повелено было сие мое челобитье в тюменской воеводской канцелярии принять*...); вторым и следующим инфинитивами, вводимыми одним из сочинительных союзов *и*, *а*, *также*, переменными в конкретных источниках, называются желаемые от власти действия, направленные на удовлетворение интересов челобитчика. Примеры из документов: ... *и отдать мне крепости; и в грабеже меня исследовать и обидимое мне возратить а меня свободить; и сенной покос мне в прочное владение отвести и дать выпись; также же и приведенных караульных принять же и содержать впредь; и об отпуске моем дать паспорт*.

В случае, если на момент составления челобитной челобитчик не знает, например, кто конкретно является его обидчиком, или опасается чьих-либо действий, он предупреждает власти о каких-либо незаконных деяниях, вводя при этом в трафарет прагматической части сочетание *впредь для ведома принять*, которое может быть продолжено сочиненной с ним следующей объектной конструкцией, как, например, в челобитной 1763 г., записанной копиистом Иваном Поповым, разночинца села Спасского Василия Тимофеева сына Аржиловского о нанесенных ему побоях и оскорблениях [И-47, оп. 1, д. 1761, л. 9 об.]: «...и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сие мое прошение в тюменской воеводской канцелярии впредь для ведома принять и записать в книгу»;

или в челобитной 1763 г., записанной копиистом Василием Поповым, оброчного казанского татарина Рахмагула Абраимова о краже скирды ржи с его пашенной земли [там же, л. 1, 1 об.]: «...И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было сие мое челобите в тюменской воеводской канцелярии впредь для ведома принять а егда об оном чрез кого что оная рож кем была увезена точно уведая то имѣю просит исковою челобитною»;

или в челобитной 1780 г., записанной тюменским разночинцем Дмитрием Дурьгиным, дьякона Покровской слободы Ивана Ситникова об украденном у него имуществе [И-47, оп. 1, д. 4356, л. 29]: «...и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было впретъ для ведома сие мое прошение записать и кто в покраже оных моих пожитковъ исобличитца со оными ворами поступит по силе вашего императорскаго величества законовъ и меня во взысканиі с тех воровъ иску удовлетворят»;

2) значительно реже в формулировке прагматической части отсутствует инфинитив *принять* с зависимыми словам, а сразу же называется желаемое челобитчиком действие властей. В качестве примеров приведем следующие текстовые фрагменты. Из челобитной крестьянской дочери Феклы Устюжаниной от 28 октября 1763 г., записанной на гербовой бумаге копиистом Осипом Нестеровым [И-47, оп. 1, д.1761, л. 90 об.; см. «Памятники...», № 337]: «...И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества Указом повелѣно было оногo Мешерякова и женѣ его в тюменскѣю воеводскѣю канцелярию сыскаѣ и в стеганіи плетю и в браніи меня рабы вашей допросить»;

из челобитной города Тюмени воеводского товарища Степана Аксютинa от 17 июня 1775 г, записанной канцеляристом Василием Чуриловым «на простои за неіменіем гербовои бумаги» [И-47, оп. 1, д. 3154, л.27]: «...и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было о сыску и о појмке упомянутых бежавших конфедератѣв в городе Тюмени и онаго в ведомстве публиковать в окрестныя команды сообщить»;

из челобитной тюменского ямского управителя Николая Калинина от 12 марта 1780 г., написанной на гербовой бумаге копиистом Никифором Загорским [И-47, оп. 1, д. 2218, л. 7 об.]: «...и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелено было на показанного калмыка Боса: а по крещений Василя дать мне вечную владеную выпись».

Сопоставительный содержательный анализ казусной и прагматической частей челобитных показывает, что в прагматической части обязательен повтор информации пунктов. Как правило, здесь находится и новая информация, являющаяся следствием развития ситуации, описанной в пунктах. В редких случаях повтор минимален: после группы с глаголом *принять* впервые формулируется желаемое челобитчиком развитие события. Так, в челобитной подполковницы Марьи Козьминой дочери Угримовой, написанной на гербовой бумаге канцеляристом Егором Милкеевым и поданной в тюменскую воеводскую канцелярию 20 декабря 1762 года [И-47, оп. 1, д. 1760, л. 60], в единственном пункте сообщается: «Сего 1762 году декабря 20 дня имею я раба ваша ехать ис Тюмени въ Екатеринбургъ для свиданія со сродниками моими а для проезду собственныхъ лошадей не имеетца». Свидание с родственниками оказывается возможным только при содействии властей, имеющих право дать подорожную, но этот документ впервые называется только в прагматической части: «и дабы <...> принять и о даче мне рабе вашей в Тюмени до Екатеринбургa и обратно до Тюмени ямской и уездной подводы за двоинные прогоны дать на име мое подорожную». Однако в большей части челобитных повтор информации составляет значительный текстовый фрагмент прагматической части.

Возвратимся к примерам приведенных выше в полном объеме челобитных тюменских детей боярских Михайла Колова и других и отставного драгуна Ивана Вязминова.

В челобитной тюменских детей боярских в прагматической части повторяются информационные составляющие пунктов: о времени, о видах жалованья, об источнике финансирования (фиксируем абсолютный лексический повтор) — *ныне текущая генварская треть сего 763 года, денежное и хлебное жалованье, из казны вашего императорскаго величества*. Деятельность челобитчиков представлена в пунктах дериватами *служим, служба*, в собственно прошении — словосочетанием *что принадлежит по окладам*, находящихся в ассоциативных отношениях (*оклад* как закономерное вознаграждение за *службу*). Новая информация передается грамматическим трансформом с изменением модальности, находящимся с исходным компонентом в антонимических отношениях пассивного и активного участников ситуации: адресата, не получившего жалованья, и субъекта, в чьи полномочия входит выдача запрашиваемого жалованья.

Повторение информации в прошении отставного драгуна Вязминова осуществляется морфологическими дериватами и контекстуальным синонимом. Относитель-

но новой информацией является предлагаемое челобитчиком логическое развитие сложившейся ситуации.

Изучение прочих привлеченных к анализу челобитных показывает, что в прагматической части, после структур с объектными инфинитивами, иногда могут находиться дополнительные к основной информации сведения. Так, в челобитной воеводского товарища Степана Аксютина приметы сбежавших от него находившихся в услужении польских пленных конфедератов Якова Новаковского и Венедикта Ганибака сообщаются присоединительной конструкцией с союзом *a* после формулировки коммуникативной цели документа: «... о сыску и о појмке <...> публиковать *j* в окрестных команды сообщить: *a* приметами те беглецы оба росту средняго волосы стрижены, Новаковской лицом смуглова *t* Ганибака белокур». В челобитной ямского управителя Николая Калинина, уже после формулировки коммуникативной цели обращения к власти, присоединительной предикативной частью с союзом *a* вводится сообщение о представлении в присутственное место как исходного документа (*письменный вид*), на основании которого запрашивается следующий документ (*владеная выпись*), так и самого дворового человека – «... *a* данной писменной видь *от* Петропавловскихъ таможенных дел во оригинале, и того калмыка для допросу при сем представляю».

Проведенный на ограниченном материале анализ тюменских челобитных, адресованных императрице Екатерине II, показал достаточную активность обращений местного населения к верховной власти для разрешения практически любых конфликтных ситуаций. При этом всеми субъектами письма весьма строго соблюдается жанрообразующий структурный трафарет, который свободно наполняется различными синтаксическими конструкциями и лексемами в зависимости от конкретного случая, как правило, с минимальной представленностью оценочных лексем при номинации участников ситуации, но допустимостью их при характеристике совершенных этими людьми действий. Это наблюдение коррелирует с результатами анализа московских челобитных XVIII в., проведенного А. И. Сумкиной, которая писала, что в челобитных «констатирующий план сообщения определяется типом источника, его коммуникативным назначением, не предполагающим каких-либо оценок и суждений или других элементов анализа сведений» [9].

Наши наблюдения показали, что определенная «внутренняя свобода» документа может быть ограничена следованием той или иной сложившейся коммуникативной модели, которые обнаружены нами как для доношений, рапортов и других разновидностей документов, так и для челобитных. На базе архивных источников можно составить подборки однотипных документов с переменными именами собственными и пространственно-временными указателями, но постоянным структурным и лексическим наполнением. Таковыми, например, являются челобитные с просьбой о выдаче пашпорта для отправки в различные места «для прекормления работою», анализу которых, как и других коммуникативных типов челобитных, может быть посвящено отдельное исследование. Предварительное рассмотрение этих источников подтверждает мнение А. И. Сумкиной о том, что «синтаксическое строение текста определяется прежде всего его коммуникативным назначением», влияние индивидуального слога писавшего, уровня его выучки и общей культуры в меньшей степени обуславливает тот или иной деловой текст, так как «коммуникативное назначение текста — фактор более сильный, что и обеспечивает определенное единство синтаксиса актовых текстов» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 16. № 11. 590 с.
2. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Отв. ред. А. С. Малитиков. М., 1974. С. 79.
3. Волков С. С. Лексика русских челобитных. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 11, 12, 13.

4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 256, 395.
5. Словарь Академии Российской. 1789-1794. Ч. I. СПб., 1789; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. 1806-1822. Ч. VI. СПб., 1822.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1991.
7. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.
8. Волков С. С. Указ. соч. С. 22.
9. Сумкина А. И. Синтаксис московских актовых и эпистолярных текстов XVIII в. М., 1987. С. 65.
10. Сумкина А. И. Указ. соч. С. 86.

Ольга Константиновна ЛАГУНОВА —
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 894. 5

ПОЭТИКА КОНТРАСТА В ПОВЕСТИ А. П. НЕРКАГИ «ИЛИР»

АННОТАЦИЯ. В статье впервые исследуется поэтика контраста в повести ненецкого прозаика Анны Неркаги «Илир» как системная особенность данного текста, выражающая сущностные параметры художественного мышления автора.

The article is a first attempt to look upon the poetics of contrast in the story «Ilir» by a nenets writer Anna Nerkagy that is regarded as a certain system expressing the existential parameters of the author's creative thinking.

В повести «Илир» (1978) [Неркаги 1996] контраст наряду с другими художественными приемами не просто наличествует в тексте и не только является основополагающим в смысловом и структурном отношениях, а сам становится сложной многоуровневой системой, выступает формой повтора в тексте. Напомним, что «стоит нам определить текст как художественный, чтобы вступила в строй презумпция об осмысленности всех имеющихся в нем упорядоченностей. Тогда ни один из повторов не будет выступать как случайный по отношению к структуре. Исходя из этого, классификация повторов становится одной из определяющих характеристик структуры текста» [Лотман 1970: 135].

Разошлись дороги стариков. Мерча так и не покорился новой власти и, взяв вину сына перед ней на себя, спокойно, без суеты, не теряя достоинства отдал себя в руки «нового» правосудия, которое, скорее всего, и ускорило его уход в Нижний Мир. Кривой Глаз, привезший дурную весть в стойбище Мерчи, сам не на шутку был ею встревожен и озлоблен. Время спустя, пройдя нелегкий путь сомнений и колебаний, осознав, что «старая жизнь не вернется» (220), старик заключает сделку с новой. Дважды приезжает Кривой Глаз в стойбище своего друга. Дважды привозит нелегкое Слово. В начале повести о переменах в тундре и Красной Нарте, в конце о смерти Мерчи и о том, что «люди новой жизни хозяева в тундре» (219). Слова Кривого Глаза по сути об одном и том же, но носитель этих Слов предстает как бы в двух разных (контрастных) обликах. В начале повести он «зловеще» произносит: «Черным стало солнце» (120). Подчеркивая значимость и правдивость сказанного, «виновато улыбаясь», он обращается к хозяину по имени, что принято только в «особо важную,